

Балканские имена «вурдалака» и их происхождение

В самом разгаре наших совместных занятий вместе с Владимиром Николаевичем Топоровым славянской и балканской мифологией в середине 1960-х годов Татьяна Владимировна Цивьян помогала мне найти ссылки на соответствующую новейшую греческую литературу о заинтересовавшем меня тогда «вурдалаке». Вспоминая о том времени и о прошедших десятилетиях общей работы с постоянным ощущением радости, я пробую в честь Татьяны Владимировны кратко суммировать все, что я узнал с тех пор об этом балканском слове.

1. *Индоевропейский и балто-славянский источник слова.* Согласно той точке зрения, которую мы в ряде работ пробовали обосновать с В.Н.Топоровым, слово уже в прабалто-славянском (или в том прабалтийском, который был праязыком и для праславянского) было словосложением, в котором соединилось два древних названия животных: : и.-е. **wck^wo-s*> прабалто-слав. **vcko-s* «волк»> лит. *vilkas*/слав. **ВЪЛКЪ** и и.-е. **Hxt-ko-s* «медведь». Реконструкция первой основы, как в общеиндоевропейском, так и в балто-славянском, не вызывает сомнений. Что же касается второй основы, то ее древнейшую форму удастся восстановить благодаря др.-хет. *artagga-š* «медведь», значение которого (вопреки сомнениям, высказывавшимся вплоть до недавнего времени) удалось подтвердить окончательно, в частности, по тому, как в хеттских текстах описываются повадки животного, обозначаемого этим словом¹.

В этом существительном в хеттском сохранен древний порядок фонем внутри того комплекса «акцессивного ряда», позднейшие результаты преобразования которого в отдельных исторических языках когда-то дали основание Бругману восстановить особые спиранты (Бенвенистом переинтерпретированные как аффрикаты). Другой специфической морфонологической особенностью индоевропейского слова, отраженной в хеттском, было то, что оно начинается с

¹ Puhvel 1991, pp.201-202. В древнехеттском ритуальном обращении к деревьям используется глагол *ark-* «крыть, futuere»: UR.MAA-*aš kattan šeškit* UG.TUR -*aš kattan šeškit artaggaš-ma-šmaš šarā arkiškitta* «лев (львица) долго спал(а) с вами (под вами), пантера долго спала с вами (под вами), но медведь с силой покрывал вас (сверху)», KUB XXIX 1 I 28-30, Puhvel 1984, p. 142.

ларингального, после исчезновения которого первой фонемой могло стать *з слоговое. Этот плавный из вибранта (дрожащего) превратился в балто-славянском в латеральный (боковой). В прабалтийском после исчезновения ларингального осуществилась метатеза, благодаря которой латеральный занял второе место после переднеязычного смычного или образовал с ним единый латеральный комплекс (типа латеральных фонем в северо-кавказском, юто-астекском или майя-киче). Это отражено в ранней древнепрусской форме *tlok-un* (*Tlok-un-pelk* «Медвежье болото»)². Позднее и в западно-балтийском (прусском, позднее др.-прусск. *cloc-is*, *clok*, словарь Эльбинга, 655-656³), и в восточно-балтийском начальная группа (глухой переднеязычный смычный+латеральный или же латеральный комплекс «северокавказского» типа) преобразовалась. В западно-балтийском действовал звуковой закон * *tl-> kl-*, ставший общим для многих диалектов циркумбалтийского ареала, тогда как в восточно-балтийском упрощение начальной группы или комплекса произошло (как и в лехитском в этом словосложении) за счет выпадения первого согласного (или первой части латерального комплекса): лит. *lokš*, *lācis* «медведь». В разных формах названия оборотня в литовских традициях, таких, как *vilktakis*, *vilktakys*, *vilktakas*, *vilkalotas*, *vikalatas*, *vilkatas*, *vilkatakas*⁴, по гипотезе В.Н.Топорова, «может быть отражено балт. **vilk-* & *(*t*)*lak-*, отсылающее к образу ‘волко-медведя’»⁵.

Ранняя форма начала второй основы отличалась в южно-славянском и в праславянском словосложении от древнепрусской озвончением начального переднеязычного смычного из-за смешения с другим словом (ю.-слав. **dlak-(a)* «шкура, шерсть») и/или под ассимилятивным влиянием последующего плавного сонанта. Такая измененная форма сохранилась в этом диалектном (южно-) праславянском слове и в приводимых ниже славянских сложных словах-названиях оборотня. После возникновения нового (эвфемистического) названия «медведя» как «питающегося медом = медоеда» (общего для праславянского и индо-арийского, др.-инд.

² О древнепрусских и родственных балтийских и славянских формах см. подробную словарную статью В.Н.Топорова: Топоров 1984, с.69-78 (там же литература вопроса); Иванов. Топоров 1963, с.139; Зализняк 1986, с.122; Eckert 2001, S. 15.

³ Топоров там же и 1980, с. 181-182; Endzelīns 1982, l. 241; Mažiulis 1981, с. 40, примеч. 161; 1993, т. 2, с. 208; 1997, т.4, с. 220-223.

⁴ Vēlius 1977, с. 268-281.

⁵ Топоров 1984, с. 74.

madhv-ad-) древнее название зверя в славянском скорее всего утратило прежний денотат (повидимому, из-за табу) и приобрело более общее значение: ю.-слав. **dlak-(a)* «шкура, шерсть», если не считать этого значения более древним по сравнению с отнесением слова к «медведю». Однако до сих пор остается проблематичным вопрос о том, которое из двух значений считать исходным: предполагать ли (как считал я в предшествующих работах и как это сформулировано выше) позднейшим развитие «медведь» (> “медвежья шкура”>) «шкура»/«шерсть (зверя)» (представлено в этом значении и в этой звуковой форме вне сложения только в южно-славянском) или же предположить обратное изменение: «шкура»/«шерсть (зверя)» > «обросший шерстью, косматый»> «медведь»⁶. Диалектное праслав. **vcko-t/dlak(-ь)* первоначально могло сохранять более древнее значение гибридного мифологического существа, имевшего черты двух опасных диких зверей- волка и медведя. Типологически сходное сочетание отражено во многих древнегерманских личных именах, являющихся словосложениями со значением «волко-медведь»: др.-исл. *Ulf-biorn*, др.-в.-нем. *Wulf-bero*⁷; хотя второй элемент сложения выражен собственно германской основой, заменившей общеиндоевропейскую, не приходится сомневаться в единстве исходного северо-западно-индоевропейского мифологического представления, сказавшегося в этих германских и славянских словосложениях. Упомянутые выше архаические хеттские ритуалы, включающие хеттское навание «медведя», относят его в «медвежьим людям», которые выступают параллельно «волчьим людям». Эти ритуалы делают правдоподобным соединение «волка» и «медведя» в одном слове, относящемся к человеку-оборотню⁸. По закарпатскому преданию вурдалак может быть один месяц волком, а другой- медведем⁹.

2. Отражение в западно-славянском и в диалектном праславянском.

Предполагаемая праславянская форма **vcko-dlak(-ь)* почти без изменений отражена в чешск. *vlko-dlak(-ь)*. Но возможный книжный характер формы¹⁰, отчасти отличающий ее от диалектного (ляшск.) *vyl'ko-dlak* и словацк. *vyl'ko-lak* (с упрощением начальной группы второй основы того же типа. что в соответствующем лехитском

⁶ Там же, с .75.

⁷ Иванов 1977.

⁸ Иванов 1965, с.31-34; 1975.

⁹ Николаев 1983, с.42; Гура, Левкиевская 1995, с.418.

¹⁰ Machek 1957, с. 571.

сложном слове), делает вероятным влияние на нее позднеславянской или недошедшей до нас старославянской (ранней южнославянской или смешанной древнемакедонско-моравской) формы с приблизительно таким же фонемным составом и значением. Для более ранней эпохи развития прачешского диалекта можно предположить наличие формы, достаточно близкой к древнепрусской по составу фонем и со значением, которое может быть архаизмом: др.-чешск. *tlak-a*, -у “*pub(e)s*, растительность на теле как признак зрелости, возмужалости” (в частности, у Кларета¹¹ : Clar., Gloss., VI, 7, строка 1305: *Pubs tlaka*). Если вслед за специалистами по истории чешского языка принять большую древность этой формы по сравнению с той основой, которая представлена вне сложения в южно-славянском и в составе сложения в других славянских языках, то можно было бы думать, что более поздние (в том числе книжные) влияния привели к замене более древнего слова, по звучанию, но быть может и по значению, еще мало отличавшегося от древнепрусского¹². Иначе говоря, можно было бы реконструировать для прачешского варианта праславянского¹³ * *tlak-a* «растительность на теле, делающая мужчину внешне похожим на медведя и волка» и **vьlko-tlak-ъ* «оборотень; мужчина с чертами медведя или волка». Другие западно-славянские варианты названия волка-оборотня¹⁴ характеризуются лехитским (или ему типологически и ареально подобным) изменением латеральной группы по циркумбалтийскому типу (польск. *wilkolak*, словацк. *vyl'ko-lak*), где исходная форма могла быть с равным успехом и **tl-*, и **dl-*: второй тип (как в ляшском) мог победить под позднейшим влиянием южно-славянского.

Представляется возможным поставить вопрос о том, не отразилась ли праславянская форма названия «шерсти» с исходным **tl-* **tlok-ъ* / **tlak-ъ* в общеславянском названии «пучка шерсти» (русск. *клок*), если

¹¹ Flajšhans 1926. Я пользовался изданием Ваврушка в Интернете (TITUS).

¹² Семантика древнечешского слова и контекст его употребления у Кларета могли бы говорить в пользу влияния табу на процессы изменения и заимствования данной формы. Можно было бы распространить на «волко-медведя» психоаналитическое истолкование «ликантропии» (ср. о славянском князе-оборотне Всеславе Jakobson 1966) в духе работы Фрейда о комплексе «человека-волка» и интерпретировать в этой связи зооморфные образы, использовавшиеся при инициации. Ср. образ жениха-вурдалака на свадьбе в славянском фольклоре: Попов 1985. с. 221; Гура, Левкиевская 1995. с. 418.

¹³ Я исхожу из представления о большей разнородности диалектов праславянского, чем предполагалось в классическом славяноведении. Ср. Иванов 1982.

¹⁴ Šlupecki 1987.

допустить в этом случае раннее заимствование и распространение формы с измененным началом в тех диалектах, где это развитие по фонетическим причинам не могло наблюдаться¹⁵.

3. *Отражение в юго-западно-славянском.* В словенск. *volko-dlak* и сербо-хорват. *vuko-dlak* вторая основа выступает в форме, отличающейся от древнепрусской и древнечешской и в то же время совпадающей с названием «шерсти, шкуры» в юго-западно-славянских диалектах¹⁶. Для этого могут быть предложены следующие альтернативные объяснения. Во-первых, исходя из предложенной выше индоевропейской и балто-славянской этимологии слова, можно было бы думать, что по фонетическим причинам (озвончение начального переднеязычного смычного под ассимилятивным влиянием последующего плавного сонанта) начало существительного изменилось. Это произошло одновременно с развитием в старом названии «медведя» нового значения «шерсть, шкура». Во-вторых, принимая ту же этимологию, можно, однако, думать, что слово с последним значением уже существовало в языке и фонетический фактор (озвончение первого смычного согласного) только способствовал семантической переинтерпретации второй части словосложения, которая стала восприниматься как это существительное. В-третьих, можно на основании юго-западно-славянской этимологии попробовать отказаться от предлагаемого индоевропейского объяснения. Однако тогда вне поля зрения оказываются древнечешское и балтийские соответствия, не говоря уже об общеиндоевропейской картине. Поэтому третье решение я отвергаю. Выбор между первым и вторым сложнее.

Старосербский текст 1262г. сохранил форму, в которой можно было бы видеть след более ранней (книжной) старославянской формы: **ВЛЪКОДЛАЦИ**. Наличие первого латерального, в сербо-хорватском отсутствующего (в отличие от словенского, сохранившего раннеюго-

¹⁵). Если это слово, не имеющее четкого объяснения, происходит из славянских диалектов с развитием **tl-> kl-*, то оно могло бы стать свидетельством наличия и в них исходного **tlok-*, подобного древнечешской форме. Но развитие **tlok->*klok-*, аналогичное диалектному древнепрусскому, осуществлялось только в части диалектов, где слово представлено, и тогда нужно предположить интенсивные взаимовлияния и контакты диалектов в достаточно ранний период. *Клок шерсти* или *клочок одежды* оборотня фигурирует в некоторых из фольклорных историй, связанных с вурдалаком.

¹⁶ Место и время сохранения группы **dl-* проясняются в свете данных карантанского (альпийского славянского): Pohl 2005. Ср. Andersen 2006.

западно-славянский облик слова), указывает на вероятность влияния аналогичной незасвидетельствованной формы, которую соответственно можно реконструировать в раннеюго-восточно-славянском.

Мифологические существа, обозначаемые этим словом, поглощают солнце и луну во время затмения и поэтому их можно было бы реконструировать и для раннего славянского язычества в той мере, в какой оно было связано с палеоастрономическими наблюдениями. В позднейшей сербской традиции¹⁷, как и в других южно-балканских, слово *вукодлак* означает вампира.

4. *Юго-восточно-славянские формы.* Отсутствие старославянских форм (по понятным семантическим причинам) затрудняет выяснение наиболее ранней ситуации. Приходится обратиться к тем формам, в которых, как уже в упомянутой книжной чешской и как в цитированной старосербской, можно было бы видеть влияние недошедшей до нас диалектной предстарославянской.

Особенностью развития в юго-восточно-славянском в отличие от юго-западно-славянского была потеря *d-* в начальной группе *dl->l-* (как в этом сложном слове в восточнославянском, лехитском, словацком) и ранняя диссимиляция двух латеральных фонем, из которых первая (**l*) в болгарском изменилась в **r*: болг. *върколак*. По сравнению с предполагаемой исходной индоевропейской формой порядок плавных оказывается обратным: **r ... *l* вместо **l ... *r* (через промежуточное состояние ** l ... * l* в балто-славянском и диалектах, из него происходящих). В болгарских традициях речь идет о злокозненном волке-оборотне, который выходит из своей могилы, чтобы мучить и убивать живых людей¹⁸. Сюжет превращения в волка жениха на свадьбе у болгар¹⁹ совпадает с лехитско-западнославянским мотивом.

5. *Заимствование юго-восточно-славянской формы в дако-романские диалекты.*

В достаточно древний период раннеболгарское название с измененным составом плавных заимствуется в румынский (рум. *vîrcolak*, вариант *svîrcolak*²⁰) и в аромунские диалекты дако-романского

¹⁷ О топонимике ср. Rospond 1974, с. 48, N 29.

¹⁸ Krause 1908, SS. 137, 139; Маринов 1914, с. 221; Moszyński 1968, с. 544; Арнаудов 1969, с. 634; Георгиев 1970, с. 472; Попов 1985.

¹⁹ Попов 1985, с. 221; Гура, Левкиевская 1995, с. 418.

²⁰ Mihailă 1960, p. 149; Rossetti 1968, p. 314; Ionescu 1975, p. 674; 1977, p.61-62. Румынский вариант *vărcolak* (Ionescu 1975, 1977, там же) рассматривается как

(аромун.*vurcolác, vurculác* «вампир, призрак») Существительное в румынском обозначает душу ребенка, умершего до крещения (христианский мотив внутри более древней мифологемы) и воплотившегося в оборотня-волка; он поедает солнце и луну и вызывает этим затмения²¹.

6. *Заемствование юго-восточно-славянской формы в греческий.* В греческий (как в континентальные диалекты новогреческого, так и в диалекты островов) была заимствована юго-восточно-славянская (болгарская) форма слова с измененным первым плавным: греч. βουρκόλακας, диалектный вариант βαρβάλακκας²². Не имеет фонетических оснований предположение, по которому развитие плавного произошло не в болгарском, а в греческом, откуда якобы форма с *r* вместо **l* была потом заимствована в болгарский²³.

7. *Заемствование в албанский.* По фонетическим признакам предполагается, что албанск. *vurvollak, vurvullák* заимствовано из греческого.

8. *Востоочнославянский.* В западной части восточно-славянской области- в белорусском *воўколак*, украинском *вовкулак* фонетическое развитие второй части словосложения аналогично болгарскому, а первая часть теряет латеральный. По своему значению эти слова достаточно близки к польск. *wilkolak* и обозначают волка-оборотня в нескольких однотипных фольклорных сюжетах.

В восточной части восточнославянской области слово отсутствовало и появилось в первой половине XIX в. Слово *вурдалак* в современной русской массовой культуре повезло. Оно не только дало заглавие одной из популярных песен, в которой много раз повторяется. Его можно встретить бесчисленное количество раз во множестве сайтов русского Интернета²⁴, чаще всего в сопровождении почти обязательного пояснения, что слово «изобретено» Пушкиным (кажется. все же в одном аналогичном месте я увидел обрадовавшее меня нестандартностью замечание, что Пушкин его «ввел», о чем ниже). Вина за это неточное расхожее утверждение лежит на лингвистах, которые до сих пор не проследили историю этой именно формы, в русском языке в самом деле начинающейся с Пушкина.

заимствованный из такой южно-славянской формы. где развитие плавного по болгарскому типу еще не произошло.

²¹ Vulcănescu 1962, pp.182, 191.

²² Meyer 1894, S. 8; Vasmer 1941, S. 286; Dukova 1977, SS.107-108.

²³ Dukova 1977, S. 107.

²⁴ Для сопоставления с литовской прессой любопытно Sinkevičius 2003.

. Откуда, где и когда слово узнал Пушкин? Можно не сомневаться в том, что это-результат его ознакомления с балканскими языками и диалектами в пору пребывания в Кишеневе (и Одессе). В это время он мог слышать главным образом речь и отдельные слова на румынском языке (и его молдавском диалекте), новогреческом и цыганском, который мог содержать заимствования из разных балканских языков. Начало слова *вурдалак* скорее всего указывает на греческий источник. Однако вторая половина словосложения верна своему более раннему прообразу, который мог быть почерпнут из юго-западно-славянских форм или заимствований из них. В таком случае следовало бы предположить склеивание этих слов, происходившее в поэтическом языке Пушкина. Значение у Пушкина общебалканское, не предполагающее занятия предисторией термина.

9. *Северокавказские параллели*. В недавнее время Джоханна Николз²⁵ и С.Л. Николаев²⁶ обратили внимание на разительные аналогии балканскому термину, которые обнаруживаются в северо-кавказском, в частности, в вейнахском. По хронологическим причинам заимствование из северо-кавказского (к которому тяготеет Джоханна Николз) исключается. Возможности обратного направления заимствования или более раннего праязыкового контакта требуют дополнительного изучения.

Литература

- Арнаудов, М. *Очерци по българския фолклор*. Т.2.София, 1969.
- Георгиев, В. Трите фаза на славянската митология.//*Исследования в чест на акад. Михаил Арнаудов*. София, 1970.
- Гура, А.В., Левкиевская, Е.Е. Волколак.// *Славянские древности в пяти томах*. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И.Толстого. Т.1 А-Г. М.: Международные отношения.1995, с. 418 -420.
- Зализняк, Андрей Анатольевич. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения.// В.Л.Янин, А.А.Зализняк. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983гг.)*.Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам *Из раскопок 1951-1983гг.*. М : Наука, 1986, с. 89-219.
- Иванов, Вяч. Вс. *Общеиндоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы*. М.:Наука, 1965.

²⁵ Nickols 1987.

²⁶ Николаев 1983. О других кавказских аналогиях ср.Иванов 1977.

- Иванов, Вяч. Вс. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка.//*Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т.34., 1975, 5, с. 394-408.
- Иванов, Вяч. Вс. К балкано-балто-славяно-кавказским параллелям.// *Балканский лингвистический сборник*. М. : Наука,1977, с. 143-164.
- Иванов, Вяч. Вс. Диалектные членения славянской языковой общности и единство славянского языкового мира.// *Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М.: Наука, 1982, с. 212-236.
- Иванов, Вяч. Вс. , Топоров, В.Н. К реконструкции праславянского текста.// *Славянское языкознание*. Доклады. М.: Наука, 1963.
- Маринов, Д. *Народна вяра и религиозни народни обичаи*. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София: Кн.28. Министерство на народне просвещение, 1914.
- Николаев, Сергей Л. Один из типов названий хищных млекопитающих в северо-кавказских и индоевропейских языках.//*Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане*. Тезисы докладов Второй балто-славянской конференции. Москва, 29 ноября- 2 декабря 1983г. М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР. 1983, с.42.
- Попов, Р. За върколака в българскита народни вервания (исторички корени и място в народната култура).// *Известия на Националния исторически музей*. 1985, 5, с. 213-227.
- Топоров, Владимир Николаевич. *Прусский язык. Словарь*. I- K, K-L М.; Наука, 1980, 1984.
- Andersen, Henning. On the Late Common Slavic Dialect Correspondence K1-T1-I.//*International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. XLIV-XL. Henrik Birnbaum in Memoriam. 2006, pp. 38-48.
- Dukova, U. Zur slawischen Schicht in der Lexik des Volksglaubens and Brauchtums in den Balkansprachen,// *Linguistique balcanique*, XX, 1977, 1-2.
- Eckert, Rainer. *Altpreuussische Studien*. Tolkemita-texte. Dieburg: Tolkemita, 2001.2001.
- Endzelīns , Jānis, *Darbu izlāse*, 2 daļa, Rīgā,1982.
- Flajšhans, V. *Klaret a jeho družina*. Sv. I. Praha 1926 (<http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etcs/slav/acech/klaret/klare.htm>).
- Ionescu, Anca Irina. Á propos de l'influence slave dans la terminologie mythologique roumaine.// *Revue roumaine de linguistique*, t.XX, 1975, N 6.
- Ionescu, Anca Irina. Les relations linguistiques roumano-sud-slaves et les croyances populaires.// *Linguistique balcanique*, XX, 3, София, 1977.

- Jakobson, Roman. Selected Writings, vol.IV. Slavic Epic Studies. The Hague: Mouton, 1966.
- Krause, F.S. *Slawische Volksforschungen*. Leipzig, 1908.
- KUB – *Keilschrifturkunden aus Boghazköy*.
- Machek . Václav. *Etymolgický slovník jazyka českého i slovenského*. Praha: Nakladatelství Československé Akademie Věd. 1957.
- Mažiulis, Vytautas. *Prūšų kalbos paminklai*. T. I I. Vilnius, 1981.
- Mažiulis, Vytautas. *Prūšų kalbos etimologijos žodynas*. T. I I, IV, Vilnius, 1993, 1997.
- Meyer, E. Neugriechische Studien. I I. // *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften . Phil.-Hist. Klasse*, Berlin, 1894.
- Mihailă. G. *Îprumuturi sud-slave în limba rumîna*. Studiu lexico-semantic. București, 1960.
- Moszyński, K. *Kultura ludowa Słowian*. T.2, *Kultura duchowa*, cz.1. Warszawa, 1968.
- Nickols, J. Russian *vurdalak* and cognates.// *Language, Literature, Linguistics*. Berkeley, 1987.
- Pohl, Heinz Dieter. Die Slavia submersa in Österreich: ein Überblick und Versuch einer Neubewertung.// *Linguistica*. XLV. Ioanni Orešnik septuagenario in honorem oblate. Ljubljana, 2005, SS. 129-150. 2005.
- Puhvel, Jaan. *Hittite Etymological Dictionary*. Vol.1-2. Words beginning with A, E, vol.3, Words beginning with H, The Hague: Mouton, 1984; 1991.
- Rospond, Stanisław. *Stratygrafia słowjańskich nazw miejscowych*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. 1974.
- Rossetti, A. *Istoria limbii române de la origine pina în secolul al XVI I -lea*, București, 1968.
- Sinkevičius, Rokas. Vilktaikių tradicija lietuvių kalendorinėse žiemos šventėse.// *Šiaurės Atėnai*. nr. 642. 2003 (03-01).
- Słupecki, L.P. *Wilkolactvo*. Warszawa, 1987.
- Vasmer, Max. Die Slaven in Griechenland.// *Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften . Phil.-Hist. Klasse*, 12. Berlin. 1941.
- Vėlius, Norbert. *Mitinės lietuvių sakmių būtibės*. Vilnius, 1977.
- Vulcănescu, R. Des elements slaves dans la mythologie roumaine.// *Československá etnografie*, X, 1962, N 2.